

© У. Хун

РОЖДЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ ИЗ ДУХА АТЕИЗМА? ИССЛЕДОВАНИЯ “СОВРЕМЕННОГО СЕКТАНТСТВА” В КОНТЕКСТЕ АНТИРЕЛИГИОЗНЫХ КАМПАНИЙ Н.С. ХРУЩЕВА

Ключевые слова: история этнографии, СССР, Центрально-Черноземный регион, исследования религии, сектантство, атеизм, антирелигиозные кампании, методика

В 1959–1961 гг. группа ученых из московской Академии наук проводила в Центрально-Черноземном регионе России полевые исследования по теме “религиозного сектантства” в контексте антирелигиозных кампаний Н.С. Хрущева. Перед учеными-атеистами, выполнявшими государственное задание под руководством историка, этнографа и религиоведа А.И. Клибанова, стояла непростая задача: получить информацию от представителей “сект”, считавшихся потенциально враждебными государству и в то же время укрепить научную основу пропаганды. В статье рассматриваются вопросы методики научного исследования религиозных сообществ, “неудобных” для советского государства: характер политических и социокультурных условий для данных исследований; формулировки целей полевых исследований; их роль в период антирелигиозной кампании 1960-х годов; воздействие определенных идеологических ожиданий на рабочие методы экспедиций; взаимодействие между учеными и различными государственными и партийными учреждениями.

DOI: 10.7868/S0869541518020082

Летом 1959 г. группа ученых из московской Академии наук начала полевые исследования по теме “религиозного сектантства” в Центрально-Черноземном регионе России. Исследования проводились в рамках хрущевской антирелигиозной кампании и должны были укрепить научную основу пропаганды. В то же время перед учеными-атеистами, выполнявшими государственное задание под руководством историка, этнографа и религиоведа Александра Ильича Клибанова, стояла непростая задача: получить научно достоверную информацию от представителей “сект”, считавшихся потенциально враждебными государству. К 1961 г. состоялись три экспедиции: в первых двух Клибанов принимал непосредственное участие, а в третьей он выступал в качестве научного консультанта.

Ульрике Хун | <http://orcid.org/0000-0003-1752-4073> | ulrike.huhn@uni-bremen.de | к.и.н., научная сотрудница исследовательского центра Восточной Европы | Бременский университет (Klagenfurter Str. 8, 28359 Bremen, Germany)

Статья первоначально опубликована на немецком языке как: Huhn, Ulrike. Die Wiedergeburt der Ethnologie aus dem Geist des Atheismus. Zur Erforschung des “zeitgenössischen Sektierertums” im Rahmen von Chruschtschews antireligiöser Kampagne // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2016. В. 64 (2). S. 260–298. Сокращенный перевод публикуется с разрешения правообладателя.

В статье рассматриваются вопросы методики научного исследования религиозных сообществ, “неудобных” для советского государства. В каких политических и социокультурных условиях были возможны данные исследования и какую роль они играли в контексте антирелигиозной кампании 1960-х годов? Как формулировались цели полевых исследований? Какое влияние оказывали определенные идеологические ожидания на рабочие методы экспедиций? Как происходило взаимодействие между учеными и различными государственными и партийными, как региональными, так и центральными, институтами?

Декларируемой целью исследований “современного сектантства” было преодоление религиозных взглядов “сектантов”, однако начало научного изучения этих групп означало, что возрожденные при Н.С. Хрущеве идеалы коммунистической утопии распространялись и на них. Интерес к сектантам теперь проявляли не только спецслужбы. Официальные лозунги антирелигиозной кампании не только означали репрессии среди этих групп, но и свидетельствовали о намерении интегрировать их (*LaPierre* 2012: 132–167). Это утверждение относится к этнологам, которым поручили руководить данными исследованиями: испытав на себе и пережив сталинские репрессии, теперь они получили шанс привлечь для новых исследований материальные и людские ресурсы, вызвать общественную заинтересованность к рассматриваемым научным вопросам и доказать свою полезность. Следовательно, и методы исследований, используемые советскими этнологами, не должны оцениваться с точки зрения методологии западной этнологии. Здесь мы разделяем точку зрения Сони Люрманн, согласно которой необходимо серьезно отнестись к специфическим предпосылкам советской исследовательской практики и рассматривать ее результаты в соответствующем контексте (*Luehrmann* 2015: 101–133). В этом смысле работу исследователей сектантства можно считать оригинальным возрождением советской этнологии в условиях атеистической пропаганды.

“Секты” между государственной политикой и историко-этнографическим исследованием

Почему “сектанты” были щекотливой темой в Советском Союзе? Сам термин “сектант” оставался неясным, так как мог обозначать представителей совершенно различных религиозных движений. Его относили как к традиционным религиозным формированиям (духоборы и молокане), вышедшим в XVIII в. из Русской православной церкви, так и к различным более молодым группам (движение пятидесятников и баптистская конгрегация). Кроме того, к сектантам причислялись православные верующие, относившиеся неодобрительно к сотрудничеству церкви с советским государством. Так наз. “истинно православные христиане” появились уже в 1927 г. как реакция на деятельность епископа Сергия Страгородского, проповедовавшего лояльность церкви к атеистическому государству.

Подпольные общины и группы “истинно православных христиан” возникли в разных областях СССР, включая и российский Центрально-Черноземный регион, где они поддерживались епископом епархии Воронежа Алексием (Бум). В 1930–1940-е годы данная группа подверглась многочисленным репрессиям и судебным преследованиям. Когда в 1943 г. Сергий стал патриархом восстановленного государством Московского патриархата, данные группы отказались признавать его должность и назвали вновь открытые церкви “красными” (*Шкаровский* 2005: 217–260; *Беглов* 2008; *Huhn* 2014: 145–213).

Итак, в 1959 г., шестнадцать лет спустя, этнографы из Москвы прибыли в Тамбов для исследования “религиозных сектантов”, и было очевидно, что они имеют дело не только со структурно сложным, но и политизированным явлением. Отношение к религиозным субкультурам со стороны партии находилось в прямой зависимости от новейших политических событий: как уже упоминалось, в конце 1958 г. началась антирелигиозная кампания, инициированная Н.С. Хрущевым. Наряду с “истинными христианами” в фокус

внимания идеологов попали и так называемые “сектанты”, прежде всего протестантские течения (баптисты, свидетели Иеговы и др.). В прессе эти течения называли “фанатичными” и “иррациональными”. В то же время считалось, что ими управляют западные организации. Антирелигиозная кампания, продолжившая традицию 1930-х годов, оперировала образами “западных агентов” и предателей родины (Baran 2014: 143–150). Мириам Добсон убедительно продемонстрировала, что общественное, эффективное изображение “фанатических” сект отражало потребность выработать ясные, однозначные социальные смыслы и четкие границы в нестабильные времена. Образу религиозных “варваров” был противопоставлен образ прогрессивного советского гражданина. Одновременно шокирующие газетные репортажи о случаях детоубийства в среде сектантов были выражением новых возможностей “живой” журналистики и являлись приметами “оттепели” (Dobson 2014).

На этот период приходится и подготовка закона “о паразитическом образе жизни”, принятого в РСФСР в 1961 г. Хотя “сектанты” не были непосредственной целевой группой этого закона, он распространялся в первую очередь на них, если по религиозным причинам они отказывались от колхозной работы или выполнения “общественно полезного труда” (Fitzpatrick 2006: 403–404).

Исследования “сект” проводились в Советском Союзе уже в ранние 1920-е годы, в том числе и таким известным политическим деятелем, как В.Д. Бонч-Бруевич, который был не только личным секретарем Ленина и управляющим делами Совета народных комиссаров, но и историком и этнографом. В работах, посвященных истории возникновения “сект” в XVIII и XIX вв., он рассматривал секты как религиозное выражение крестьянского протеста против гнета царской власти. Ленин разделял эту точку зрения и считал, что большевики должны учитывать эти революционные элементы в крестьянстве (Herzberg 2013: 201–213; Сафронов 2013: 101). Поэтому в начале 1920-х годов представителей “сект” рассматривали как потенциальных участников социалистического проекта, а также как противников Русской православной церкви. По этой же причине “сектанты” в раннее советское время обладали некоторыми привилегиями, например, они могли освобождаться от военной службы. Основанные представителями сект сельские кооперативы и коммуны переживали расцвет в условиях НЭПа, пока не подверглись ликвидации начиная с 1929 г. (Редькина 2004). Антирелигиозные настроения, возникшие в период коллективизации, были направлены и против “сект”. Их представители отныне считались воплощением отсталости и противниками советского прогресса (Сафронов 2013: 104; Путинцев 1935). В печально знаменитом приказе № 00447, положившем начало массовому террору 1937 г., “сектанты” были неоднократно названы “антисоветскими элементами” (Оперативный приказ № 00447). Таким образом, возобновившиеся в конце 1950-х годов исследования “религиозного сектантства” имели дело с неоднозначно рассматриваемым явлением: сектанты могли восприниматься как потенциальные революционеры и в то же время нести клеймо “антисоветских элементов”.

Исследование московских ученых представляет интерес еще и потому, что в полевой работе они использовали различные этнографические методы. Из восьми участников экспедиции одни работали в архивах Тамбовской области и собирали исторический материал, другие проводили интервью и вели полевые дневники. Этнографы обращались и к результатам исследований недавней советской этнографии. Так, в 1920-е годы под руководством В.Г. Богораза и Л.М. Штернберга проводились полевые исследования, описывающие изменения в жизни советского села. В начале 1930-х годов под руководством директора ленинградского Музея антропологии и этнографии Н.М. Маторина велись исследования коллективизации в селах (Тан-Богораз 1924/25; Тан 1925; Алымов 2010; Арюттов, Кан 2013: 55). Но затем этнология была объявлена “буржуазной” наукой. По утверждению того же Н.М. Маторина, вставшего на сторону догматиков, отныне лишь одна ее область имела право на существование: изучение домодерных сообществ и их “реликтов”. (В 1936 г. Н.М. Маторин и его сторонники были арестованы и осуждены.)

Рис. 1. Карандашный портрет А.И. Клибанова, выполненный во время его заключения в Норильске в 1953 г. (© АРАН. Ф. 1908. Оп. 1. Д. 188), и недатированный снимок, сделанный после его возвращения из заключения – предположительно вторая половина 1950-х годов (© АРАН. Ф. 1908. Оп. 1. Д. 188).

Публикуется с разрешения Архива Российской академии наук.

С этих пор полевые исследования и изучение современных сообществ стало невозможным; этнография, а с ней и археология превратились во вспомогательные дисциплины исторической науки и ограничивались лишь методами сбора и фиксации исторических данных. Сами исследователи называли себя отныне не этнологами, а этнографами. Лишь после Второй мировой войны этнографы вновь решились обратиться к изучению современного общества, в том числе начали изучать современную жизнь колхозов (*Slezkine* 1991; *Hirsch* 2005: 204–215; *Алымов, Арзютов* 2014: 68–69; *Тумаркин* 2002/2003).

Как руководитель тамбовской исследовательской экспедиции 1959 г., Клибанов был знаком с идеологическим контролем в советской науке не понаслышке: первый раз он был осужден в 1936 г. по делу своего научного руководителя Н.М. Маторина, который чуть ранее сам стал жертвой сталинских репрессий. Второй раз Клибанова арестовали в 1948 г. – вероятно, в рамках кампании против “космополитов”. Клибанов провел в лагерях Воркуты и Норильска в общей сложности 12 лет. После освобождения в ноябре 1954 г., благодаря поддержке своего могущественного заступника В.Д. Бонч-Бруевича, ему удалось, как и после первого освобождения в 1947 г., устроиться на работу в Институт истории Академии наук СССР, где он в течение ближайших десятилетий написал свои основные исследования по истории русского религиозного диссидентства.

Работа тамбовской экспедиции 1959 г. должна была стать важным элементом новой антирелигиозной кампании. Предполагалось, что результаты полевой работы поставят деятельность антирелигиозных агитаторов на “научную основу”. Согласно официальной

позиции Института истории АН СССР, под эгидой которого проводилось данное исследование, экспедиции уже сами по себе являлись вкладом в “атеистическую пропаганду” (АРАН 1). За счет усилившегося политического интереса к феномену сектантства оказалось возможным и само исследование, которое предполагало взаимодействие и сотрудничество с государственными репрессивными органами. Только так могли быть выделены необходимые материальные ресурсы, а региональные государственные и партийные органы могли пойти на сотрудничество с московскими учеными в таком шепетильном вопросе. В то же время политические условия, в которых вынуждены были работать этнографы, влияли и на возможности, методы и подходы ученых.

“Очаг сектантства”. Цели и контекст исследований в Тамбовской области и совместная работа с региональными партийными органами

Почему ученые начали проводить свои исследования в Тамбовской области? Как они сотрудничали с областными государственными и партийными органами?

Для московских ученых Тамбов не был terra incognita. Начиная с 1953 г. сотрудники Института этнографии АН СССР проводили исследования в одном из передовых колхозов Тамбовской области (Альмов 2010; Haber 2014). Полученные ими сведения об экономическом развитии коллективного хозяйства и культурной ситуации в советской деревне дополнялись информацией о проживании “истинно православных христиан”. Последние не работали в колхозе, так как, по их мнению, колхозная, и в целом советская, система управлялась Антихристом, и они избегали любого взаимодействия с “порочным” государством. По этой же причине некоторые из них отказывались общаться с посторонними и потому были прозваны “молчальниками”.

Таким образом, ко времени прибытия в Тамбов в 1959 г. группа исследователей уже располагала некоторой информацией о “сектантах”. И хотя эти сведения не нашли прямого выхода в публикациях, они, вероятно, повлияли на решение начать исследования “сектантства” именно в Тамбовской области (о “пробелах” в публикации см.: Альмов 2006: 191; Кушнер 1958: 247, 268–270)¹.

В конце 1950-х годов историки и этнографы продолжали ходить похожими служебными путями, поскольку, согласно классификациям 1930-х годов, они наряду с археологами составляли единое Отделение исторических наук (АРАН 2). Полевыми исследованиями в Тамбовской области руководил Сектор истории религии и атеизма, ставший наследником ликвидированного в 1947 г. московского Музея истории религии и влившийся в Институт истории АН СССР (Тарасова, Ченская 2002). Здесь осенью 1958 г. и начались приготовления к летней экспедиции 1959 г.

В том же октябре 1958 г. Центральный комитет КПСС разработал секретное постановление “О недостатках научно-атеистической пропаганды” и принял решение о начале антрелигиозной кампании, обязав партийные и государственные органы начать борьбу с “религиозными пережитками” (Шкаровский 2005: 363; документ № 39). Уже в первом декабрьском выпуске 1958 г. газеты “Коммунист”, органа ЦК КПСС, вышла статья с говорящим названием “Усилить научно-атеистическую пропаганду”. В качестве исполнителей кампании упоминались и научные кадры из институтов Академии наук СССР (Усилить пропаганду 1958: 98). На XXI партийном съезде КПСС, утвердившем “Семилетний план развития народного хозяйства”, подчеркивалась необходимость “укреплять связи научных учреждений с практикой” (О контрольных цифрах развития 1959: 52; Кашеваров 2013).

На требование партии немедленно отреагировал президиум Академии наук СССР, приняв в апреле 1959 г. резолюцию “О научной работе в области атеизма”. Документ предписывал основать научный совет для координации работы в области атеизма и критики религии, в который должны были войти 34 специалиста — представители естественных и гуманитарных наук. Институты этнографии, истории и философии получили

задание организовать экспедиции для изучения “причин сохранения религиозных “пережитков” и путей их преодоления”. Особо выделялось изучение “религиозного сектантства” (АРАН 3: Л. 214, 218).

Принятие политических резолюций на высшем партийном уровне и подготовка экспедиций в стенах Академии осуществлялись параллельно и шли “большевистскими темпами”². Примерно за три недели до начала Съезда КПСС в январе 1959 г. в Институте истории прошло собрание руководства института, на котором обсуждался семилетний план работы на период с 1959 по 1965 гг. (НА ИРИ РАН 1: 2). Изучение “сектантства” здесь фигурировало как чрезвычайно актуальная и инновативная область, которая сочетала исторические исследования с современными запросами партии. Исследования в Тамбовской области, являвшейся, по словам руководителя Сектора истории религии и атеизма Н.А. Смирнова, “очагом сектантства”, должны были стать вкладом Института в “борьбу против сектантства” и свидетельствовать о “конкретном приближении науки к практике сегодняшнего дня” (НА ИРИ РАН 1: 69–70)³.

В данной ситуации уже наработанные контакты Академии наук с региональными и партийными организациями в Тамбовской области пришлось как нельзя кстати. Так, небольшой сектор истории религии и атеизма шефствовал над “Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний” в вечернем университете Тамбова. Ученые из Москвы регулярно читали в Тамбове и области лекции по атеистической пропаганде. Усилия исследователей, направленные на развитие антирелигиозной кампании, несомненно, горячо приветствовались региональными кадрами, так как демонстрировали центру, что партийные региональные работники отвечали требованиям “усиления научно-атеистической пропаганды” и прогрессивно сочетали науку и практику (ЦДНИТО; *Чеботарев* 2004: 213–221)⁴. Поэтому чиновники и организации Тамбова шли навстречу московским ученым из Института истории и делились информацией о религиозной ситуации в регионе. Так, ученым был предоставлен объемный документ о “враждебной деятельности церковников”, который содержал детальный отчет о “мероприятиях, проведенных органами госбезопасности”. Такого рода “мероприятия” означали судебные преследования, в том числе принудительное лечение в психиатрической клинике Тамбова (НА ИРИ РАН 2: 6–7, 13–14). Достоверно известно, что Клибанов и его сотрудники использовали эту информацию. К примеру, в этой клинике они посещали молчаливых “истинно православных христиан” (РГБ НИОР: 5–6, запись от 7.7.1959). Характеристики документа свидетельствуют о том, что он был составлен КГБ. Так как документы КГБ не могли открыто распространяться в стенах гражданского учреждения, каковым являлась Академия наук, штамп отправителя письма, а также фамилия и подпись его автора были вырезаны.

Однако тесное сотрудничество между московскими учеными и местными властями отнюдь не было явлением само собой разумеющимся. Год спустя, летом 1960 г., во время следующей экспедиции в соседние Воронежскую и Липецкую области, московские этнографы столкнулись с совершенно другим отношением со стороны региональных властей. Воронежский обком сначала отказал этнографам в разрешении на проведение исследования в Воронежской области. Лишь после того, как Москва оказала давление на региональные власти, исследователи были допущены к работе, но не получили той поддержки, которая сопровождала их год назад в Тамбове. У местных кадров были свои причины, чтобы подозрительно относиться к визиту ученых из центра. Безусловно, они понимали, что исследование являлось частью широкой государственной антирелигиозной кампании. И они опасались, что у ученых сложится впечатление, будто религиозная жизнь на местах куда более энергична, чем об этом известно в Москве. В свою очередь в московском государственном и партийном аппарате действительно подозревали, что региональные кадры пытаются приуменьшить степень распространенности религиозных общин в регионах. Следовательно, местным партийным и государственным работникам предстояло оценить возможные плюсы и минусы данного научного исследования

и решить, поддерживать его или же ему препятствовать. В результате ученые из Москвы в значительной степени зависели от благосклонности местных чиновников.

Данные процессы отражают усиление политического веса областных партийных секретарей при Н.С. Хрущеве. После жесткой централизации при Сталине Н.С. Хрущев целенаправленно пытался децентрализовать административные аппараты, и в результате между Москвой и регионами выстраивались разные взаимоотношения, и решения центра могли обсуждаться и исполняться по-разному (Хлевнюк 2007, 2009).

“Работники атеистического фронта”. Самоидентификация и методы

Московские этнографы стояли перед непростой задачей: их экспедиции воспринимались как инструмент антирелигиозной (т.е. политической) кампании и одновременно как научное исследование. Советские ученые того времени не видели противоречий в научной работе, имевшей государственное значение. Наоборот, они видели свое профессиональное предназначение в преобразовании советского общества (Haber 2014). Кроме того, для них наука как таковая опровергала религиозное мировоззрение и, следовательно, должна была участвовать в борьбе с религией. Так, Клибанов говорил о своей экспедиционной группе: “Мы атеисты и работники атеистического фронта” (НА ИРИ РАН 3 : 21).

Поэтому задача экспедиции формулировалась директором Института истории как исследование “причины живучести сектантских настроений, социального состава сектантов, их мировоззрения с тем, чтобы наметить методы и формы научно-атеистической работы” НА ИРИ РАН 4). Однако участники экспедиции столкнулись с затруднением методологического характера: в ходе исследования они каким-то образом должны были получить доступ в изучаемые религиозные сообщества. Понять и проанализировать логику и динамику религиозных убеждений и одновременно способствовать их преодолению было не самым простым делом.

Как руководитель экспедиции, Клибанов, конечно, осознавал эту проблему. Опубликованный им отчет о тамбовской экспедиции начинается с разъяснения того, что установление контакта с верующими было “одним из самых сложных вопросов”. С одной стороны, ученые должны были заручиться хотя бы минимальным доверием со стороны своих потенциальных информантов. С другой стороны, они, разумеется, хотели избежать того, чтобы верующие воспринимали их как людей религиозных. “Принципиальная линия выражалась в том”, писал Клибанов, чтобы “не задевая чувств верующих, сохранить достоинство и авторитет советских ученых, не давая ни малейшего повода нашим собеседникам считать нас сочувствующими тем или иным религиозным взглядам” (Клибанов 1960: 62). С одной стороны, профессионализм исследователей, а также демонстрация их уважения к информантам могли бы, по убеждению Клибанова, вызвать их расположение. С другой стороны, как признавал руководитель экспедиции, даже в этом случае ученые могли натолкнуться на молчание “истинно православных христиан”, отказывающихся от любых контактов с представителями государства. Чтобы обезопасить исследователей от завышенных требований к результатам их работы, Клибанов неоднократно подчеркивал: экспедиция в Тамбов – первое исследование на местности о “религиозных сектантах и организациях” и носит “разведывательный характер”; основной его целью является апробация методов и практик научного исследования (НА ИРИ РАН 5).

В контексте этих методических трудностей во время полевых исследований в Центрально-Черноземной области в 1959 и 1960 гг. произошли изменения в подходе и в самовосприятии участников экспедиции. Так, ученые продолжали оставаться представителями официальной точки зрения на религию, но больше не агитировали верующих напрямую. Вместо этого они выступали с докладами перед партработниками и “общественными активистами” или писали просветительские статьи в газеты и журналы. Так, например, во время экспедиции 1959 г. Клибанов прочел в Тамбове доклад перед 500

пропагандистами на тему “Происхождение и социальная сущность сектантства” (РГБ НИОР: 1, запись от 6.7.1959). Такая позиция означала, что ученым следовало самим решать, сообщать ли информантам о своих исследовательских задачах или действовать опосредованно. В документации клибановской экспедиции — как в официальных отчетах, так и в записях обсуждений деталей полевой работы участников группы между собой — почти нет рефлексии по поводу этого фундаментального вопроса этнографического метода.

Отцы-основатели российской этнологии Л.М. Штернберг и В.Г. Богораз применяли формы включенного наблюдения, будучи посланными на Сахалин и Чукотку, но в то же время они не рассматривали данный способ работы как “метод”. В 1920-х годах, уже будучи сотрудником Ленинградского государственного университета, В.Г. Богораз подчеркнул важность “телесного опыта” этнографа в лекции “Методы полевой работы”. Этнограф, по мнению В.Г. Богораза, должен проживать жизнь исследуемых им людей, носить то же платье и, если нужно, даже мириться со вшами. В.Г. Богораз формулировал основной принцип в подходе к изучаемому населению так: “Будь с ними серьезен. Всегда играй с ними в их собственную игру” (*Арзютов, Кан* 2013: 55–56). Во введении к “Полевой этнографии”, написанной учеником В.Г. Богораза в 1928 г. и отредактированной самим ученым, “вопрос о подходе к населению” характеризуется как один из самых сложных: “Только тогда, когда сумеешь ближе подойти к населению, освоиться, сжиться с ним, приобрести его полное доверие, можно дать более глубокий и исчерпывающий анализ исследуемых явлений”. Автор текста подчеркивает также важность тесного сотрудничества с “местными организациями” (*Макарьев* 1928: 12).

Этим путем шел и Клибанов в своих полевых исследованиях меннонитов, которые он проводил в Запорожье в 1930 г. с целью написания диссертации. Ученый попросил местную организацию “Безбожники” назвать ему потенциальных информантов и при содействии сельсовета поселился у пожилого и разговорчивого меннонита (*Клибанов* 1974б: 93–112). Но в рассматриваемой экспедиции близость ученых к государственным структурам, их участие в антирелигиозной кампании вызывала настороженность потенциальных информантов.

Клибанов и его экспедиция находились между этими двумя полюсами: с одной стороны, нужно было войти в доверие к населению, а с другой стороны, использовать контакты с государственными и партийными инстанциями для получения информации. Как упоминалось выше, во время своего первого экспедиционного лета в Тамбове в 1959 г. исследователи пользовались поддержкой местного государственного и партийного аппарата. Это помогло им в сборе информации о различных “сектах”. К примеру, “истинно православные христиане” были хорошо известны государственным структурам, так как они отказывались получать пенсии и семейные пособия, а также принимать участие в выборах. Обладая информацией из местных финансовых учреждений, Клибанов представлялся своим информантам как работник финансового отдела: “Мне поручено узнать, почему вы отказались принять установленную вам государством пенсию” (РГБ НИОР: 10–11, 13–14, запись 11. и 13.7.1959.). Клибанов обосновывал свой подход тем, что его уже представили информантам как сотрудника финансовых учреждений. Но явной рефлексии по поводу того, как он взаимодействовал со своими информантами и как им представлялся, в полевом дневнике Клибанова нет.

Во время второй экспедиции в Липецк и Воронеж, где сотрудничество с местными структурами шло тяжелее, Клибанов представлялся журналистом (НА ИРИ РАН 6: 11, 18, запись от 20/21.7.1960). Есть примеры, когда ученый пытался встать на точку зрения информантов и, несмотря на свои атеистические убеждения, “играть в их игру”. Тем самым он выступал, пусть и не напрямую, в роли исследователя, отклоняясь от ожидаемого по отношению к себе поведения государственного служащего. Так, во время посещения “молчальников” в тамбовской психиатрической клинике Клибанов пытался разговаривать собеседников, приводя аргументы не с точки зрения государства, а с точки зрения

христианской логики верующих: “Я сказал, что его молчание противоречит всему, чему учил Христос, так как Христос не учил молчать, а проповедывать во всеуслышание его слово. Если Григорьев верующий, то хочет ли он в гордыне своей возвыситься над Христом?” (РГБ НИОР: 5–6, запись от 7.7.1959). Клибанов словно одобрял “религиозную пропаганду”, которая в советской конституции, в отличие от антирелигиозной пропаганды, была запрещена (Документ № 118 Из Конституции СССР, принятой 5.12.1936)⁵.

В дневниковых записях исследователь охарактеризовал индивидуальность всех трех “молчальников”, которых посетил в психиатрической лечебнице, и зафиксировал поведение своих информантов в психиатрической больнице: ни один “молчальник” не выказал явной реакции на реплики ученого, но один из них внимательно прислушивался к нему, а двое других не показывали даже вида, что слышат его: “...я убедился, что в молчании люди не менее индивидуальны, чем в разговоре”. Исследователь закончил свои записи следующим наблюдением: “Никакое медицинское вмешательство в данном случае помочь делу не может”. Он поддержал позицию ведущего врача о том, что “молчальников” можно считать здоровыми и отпустить домой (РГБ НИОР: 5–6, запись от 7.7.1959). По-видимому, все трое были отпущены не без вмешательства Клибанова. Удивительно, что это могло произойти летом 1959 г., в разгар антирелигиозной кампании.

Представив осенью 1959 г. результаты исследования на заседании Института истории, этнографы получили высокую оценку со стороны коллег. Участники экспедиции собрали огромное количество материала, включая религиозную литературу, рукописные молитвы и гимны. Уникальными являлись аудиозаписи хлыстовских молитв. На вопрос, как удалось собрать весь этот материал, Клибанов ответил, что некоторые “сектанты” охотно соглашались предоставить свои личные архивы ученым и охотно беседовали с исследователями. Так, например, в дневнике Клибанова встречается запись о встрече с “хлыстом”, то есть представителем православного движения с сильными элементами спиритизма, который был очень доволен беседой с учеными и благословил их работу. На возражение Клибанова: “Бога уже давно нет”, он многозначительно ответил: “Есть, мои дорогие, есть... Пусть Господь пошлет вам удачу” (РГБ НИОР 6: 8–9, запись от 9.7.1959). Кроме того, ученые получили доступ к материалам, конфискованным райкомами. Клибанов добавил, что он и сам конфисковывал материалы у “закоренелых антисоветских типов”, но не позволял этого своим коллегам. Когда его спросили, “каким способом” он собирал материалы, Клибанов лаконично ответил: “разными способами” (НА ИРИ РАН 7: 100)⁶.

В этой небольшой дискуссии раскрываются две центральные составляющие этнографического самосознания исследователей. Во-первых, обращение ученых с информантами зависело от того, насколько религиозные группы воспринимались как лояльные или нелояльные по отношению к советской власти. Во-вторых, здесь находит подтверждение тезис С.С. Алымова о том, что, советская этнография была по сути позитивистской: «[Этнографическое] поле воспринималось как способ сбора “данных”, а не как диалогическое взаимодействие этнолога с информантами» (Алымов 2013: 78). Такой подход в какой-то мере наследовал рекомендациям В.Г. Богораза и Л.Я. Штернберга, согласно которым этнограф должен подходить к своей полевой работе как ученый в области естественных наук и стараться рассмотреть исследуемую область так, чтобы, по возможности, охватить как можно больше фактов и информации (Арзатов, Кан 2013: 55–56).

О подходах к сбору “фактического материала” также свидетельствуют фотографии, сделанные во время экспедиции. Так, на одной из них изображены женщины- “молчальницы”, отвернувшиеся от фотографа. Фотография была сделана явно без их разрешения.

Однако в 1950-е годы среди советских этнографов встречались и те, кто всерьез думал о том, как расположить к себе респондентов. Здесь этнографы могли учитывать и дебаты конца 1920-х годов, то есть дискуссию о так называемых “стационарных” исследованиях: лучшим считалось полевое исследование, которое проводится на одном месте, по возможности в течение нескольких лет. Считалось, что это позволяет, с одной стороны, получить доверие информантов, а с другой стороны, проверить их высказывания посредством

Рис. 2. Молчальники из с. Малые Пупки, Дегтянский р-н, Тамбовская обл. (1959)
(© НА ИРИ РАН. Ф. 1. Разд. XII Ц. Оп. 1. Д. 72). Публикуется с разрешения
Научного архива Института российской истории РАН.

собственных наблюдений (Алымов, Арзютов 2014: 59–63). Как отмечали советские этнографы Г.П. Снесарев и В.Н. Басилов, такой подход может быть особенно плодотворен в случае исследования религиозных умонастроений, поскольку, с точки зрения советского этнографа, “любой верующий человек” понимает, “что его убеждения не соответствуют окружающей действительности”. Кроме того, следовало избегать прямых вопросов вроде “Верите ли Вы в Бога”, поскольку “ответы на подобные вопросы на 90% можно поставить под сомнение” (Снесарев 2013: 89). Как заметил С.С. Алымов, в советской этнографии, которая в 1950-е годы ограничивалась исследованиями исключительно на территории Советского Союза, именно «верующий в этом специфическом случае мог быть более “другим”, чем традиционный объект этнографии – этнический “другой”» (Алымов 2013: 79–80).

При изучении документов экспедиции складывается впечатление, что Клибанов интуитивно вырабатывал собственный подход к взаимодействию с “верующими”. Особую роль в его экспедиции играли две студентки четвертого курса МГУ, которых Клибанов пригласил к участию, поскольку столкнулся со значительными трудностями в привлечении коллег к своей непростой исследовательской программе. Как вспоминала в своих мемуарах Элла Лягушина (в замужестве Комиссарова), девушкам было поручено “работать с самими верующими (баптистами) и ходить на собрания”. Этот подход Лягушина описала как метод включенного наблюдения, но отметила, что он был скорее спонтанной практикой: “Произошло это само собой, не планировалось вообще” (Комиссарова 2008: 109). В то же время исследовательница отмечала, что при встречах с верующими она всегда сообщала: “Мы сотрудники Института истории и занимаемся их [верующих] изучением” (Комиссарова 2008: 79)⁷. Скорее всего, так автор пыталась убедить читателей мемуаров в том, что участники экспедиции действовали согласно негласному кодексу профессионального поведения⁸.

Полевые записи Клибанова и заметки об одном событии из жизни исследовательской группы в переложении другого молодого этнографа, Ирины Малаховой, создают иное впечатление. В написанном во время экспедиции письме Малаховой в Институт истории повествуется о том, как обе девушки, Малахова и Лягушина, посетили баптистскую службу в небольшом городке Рассказово, представившись там “девушками из Тамбова” (НА ИРИ РАН 8: 8). На следующий день руководитель отдела пропаганды горкома передал Клибанову рассказ своей тещи о “двух новых девочках”, которые “такие бедные, да так хорошо молятся. Мы хотим собрать им денег на валенки”. В своем полевом дневнике Клибанов одобрительно записал: “Значит Малахова и Лягушина нашли верную линию поведения”. В поздней, более официальной машинописной версии полевых записок он оставил этот комментарий, но добавил, вероятно, испугавшись за девушек, которых могли заподозрить в активном участии в собраниях верующих: “Этого, конечно, не было” (РГБ НИОР: 11, запись от 11.7.1959 г.)⁹. Из письма Малаховой следует, что во время службы девушки действительно пели гимны и читали молитвы (НА ИРИ РАН 8: 8). В своих мемуарах Лягушина (Комиссарова) также признавалась, что она и Малахова принимали активное участие в службе, чтобы запомнить слова и мелодии песнопений, и что члены общины охотно делились с ними сборниками церковных песнопений (*Комиссарова* 2008: 109).

Таким образом, Клибанов решил использовать формы скрытого “включенного наблюдения”, несмотря на размах антирелигиозной кампании. Ранняя советская этнография оперировала в данном случае понятием “разведка” и указывала на примеры для подражания (*Альмов* 2006: 87–91)¹⁰. Как вспоминает Комиссарова, Клибанов рассуждал в этом же ключе: «Александр Ильич <...> согласился с тем, чтобы я продолжила работу, не раскрывая своих подлинных интересов. Шутя он говорил: “Ты у нас как Пауэрс”» (*Комиссарова* 2008: 110)¹¹.

Итак, Клибанов и его коллеги использовали в полевой работе различные методы: скрытое включенное наблюдение, интервью и общение. Также по-разному выбирались стратегии общения этнографов с информантами. Так, в тамбовской психиатрической клинике Клибанов не скрывал того, что он ученый, но аргументировал свою речь, обращенную к “молчальникам”, с точки зрения христианской логики. Новым в полевом опыте экспедиции был не сам по себе “шпионаж” или попытки ее участников выдать себя за кого-то другого, а то, что советские ученые, представляющие атеистическое мировоззрение, в разговорах с верующими и в наблюдениях за ними активно пытались понять жизнь и религиозную практику верующих людей.

“Глубоко партийная работа”. Дилеммы этнографической полевой работы

Результаты первой экспедиции Клибанова получили высокую оценку руководства, и летом 1960 г. состоялась вторая экспедиция в Центрально-Черноземный регион. Осенью, после завершения экспедиции в Липецке и Воронеже, в Институте истории развернулись дебаты о методологическом подходе группы Клибанова, которые начались с резких нападков на исследователей. Главный оппонент Клибанова Владимир Филатович Зыбковец, работавший в Секторе истории религии и атеизма, заявил, что этнографы неверно поставили саму цель исследования: “Задача не в том, чтобы изучать религиозные организации и беседовать с отдельными верующими. Надо показать духовную жизнь человека, отошедшего от религии” (НА ИРИ РАН 9: 95).

За этим последовала критика метода скрытого включенного наблюдения, несмотря на то, что прежде к нему отнеслись положительно. В предыдущем году Клибанов “за успешную работу... и исследование современного сектантства в Тамбовской области” даже получил значительную денежную премию (НА ИРИ РАН 10). В центре этих дебатов оказалась Элла Лягушина, которая в 1960 г. закончила обучение в МГУ и приняла участие во второй экспедиции. В Воронеже она снова ходила на баптистские службы,

сообщая их участникам, что она недавно в городе и ищет работу после окончания учебы. Одна из руководительниц баптистского религиозного собрания пригласила ее на встречу баптистской молодежной группы и снабдила ее религиозной литературой, в том числе и иностранными книгами. Как вспоминала в мемуарах Комиссарова, руководительница была очень отзывчива: “Ей импонировали мое внимание и стремление во всем разобраться и не спорить”. Комиссарова также отметила, что и некоторым из информантов “импонировало то... что наш юный возраст не является помехой в изучении их верований” (Комиссарова 2008: 79). Вопрос о том, что верующие могли оказать влияние на молодых и впечатлительных людей, спровоцировал бурные дебаты при обсуждении результатов исследований.

Клибанов поддерживал подход Лягушиной, он даже получил для нее специальное разрешение на проведение исследования, выданное отделом идеологии Воронежского горкома партии (Комиссарова 2008: 109–110). Тем не менее, смелое сообщение Лягушиной на научной сессии Института истории и ее тесных контактах с баптистским собранием и представленный ею отчет о полевой работе спровоцировали скандал. Эти “драматические события”, как вспоминала в мемуарах Лягушина, “счастливы закончились для меня только потому, что это были годы знаменитой оттепели” (Комиссарова 2008: 110). Сразу после окончания заседания парторг Зыбковец созвал экстренное заседание комсомольцев и коммунистов института. Поскольку Клибанов не был членом партии, он не смог присутствовать на собрании и выступить в защиту себя или своих молодых коллег. Впоследствии он узнал, что членов его экспедиции обвиняли в использовании “неправильных, даже провокационных методов”, в утрате “коммунистического достоинства” и главную вину за это возлагали на “безответственного руководителя” экспедиции (АРАН 4: 13).

Можно было бы сказать, что в Институте истории АН СССР произошла типичная для того времени история подавления партийным аппаратом инновационных подходов в науке. Однако стоит отметить два обстоятельства, характерных для эпохи оттепели.

Во-первых, на следующем заседании сектора истории религии и атеизма руководитель сектора высказался в поддержку Лягушиной и Клибанова. Он подчеркнул научную ценность собранных материалов и даже защитил метод скрытого включенного наблюдения, впрочем, не назвав его прямо. “Такие моменты”, по словам Н.А. Смирнова, “в ряде случаев допустимы, и они бывают плодотворными, но следует всегда быть начеку, чтобы не перешагнуть границу дозволенного” (НА ИРИ РАН 9: 94). Клибанов отреагировал на эти слова очень дипломатично. Этнограф подчеркнул, что дискуссии такого рода очень важны, поскольку опыт полевой работы в религиозной сфере еще не наработан (НА ИРИ РАН 9: 99).

Дискуссия вокруг экспедиции постоянно возвращалась к вопросу выбора метода и его соответствия партийной идеологии. Важным аргументом в защиту Клибанова служило согласование им всех методических аспектов и действий с партийными работниками на местах (Комиссарова 2008: 108; НА ИРИ РАН 9: 97). Зыбковец в конце концов пошел на попятную и отказался от своей критики, хотя и отметил: “Моя этика такая — я бы не стал ходить к сектантке на дом. Я бы предпочел отказаться от какой-либо находки, может даже редкой. В оценке этого вопроса я глубоко субъективен” (НА ИРИ РАН 9: 101).

В результате дискуссий и заседаний не было выработано единого мнения о том, является ли метод скрытого включенного наблюдения дозволенным методом сбора материала во время полевой работы. Связанные с ним этические проблемы касались не столько вопроса информирования опрашиваемых людей, сколько прежде всего “партийной этики” и “партийного достоинства”. И их не удалось решить однозначно, поскольку сама партийная этика в период оттепели получила разные трактовки. Так, один из сотрудников сектора истории религии, Марк М. Персик, сказал следующее: “Мы не должны бросать тени недоверия на верующих, тем более оскорблять их” (НА ИРИ РАН 9: 101).

А за три месяца до описываемых событий три ведущих этнографа сделали программное заявление в статье, опубликованной в журнале “Коммунист”: “Верующие люди в социалистическом обществе выступают в массе своей как патриоты социалистической Родины, они активно участвуют в строительстве социализма и коммунизма” (*Пушкарева, Снесарев, Шмелева* 1960: 87).

Появление подобной статьи знаменовало завершение антирелигиозной кампании, поскольку руководство страны постепенно признало, что не была достигнута ее идеологическая цель: доказать несовместимость религиозности, с одной стороны, и веры в идеалы социализма, с другой стороны (*Stone* 2008). Воззвание к партийному авторитету перестало быть единственной козырной картой, потому что, как было сказано выше, сам партийный авторитет оказался размытым.

Второе примечательное обстоятельство, связанное с периодом оттепели, заключалось в том, что Клибанов был не единственным бывшим узником ГУЛАГа, вовлеченным в эту дискуссию. Его антагонист Зыбковец провел в тюрьмах и лагерях в общей сложности 17 лет, и лишь летом 1960 г., будучи уже в зрелом возрасте, защитил кандидатскую диссертацию¹². Пламенная критика экспедиции со стороны Зыбковца и его стремление оправдать предполагаемые ожидания партии, скорее всего, были вызваны желанием укрепить свою позицию в институте. Учитывая сложности процесса политической реабилитации репрессированных, можно предположить, что Зыбковец даже после успешного восстановления в партии, давшего ему нелегко, был не очень уверен в устойчивости своей позиции в Академии наук (*Комиссарова* 2008: 107; о трудном процессе реабилитации и восстановлении в партии см.: *Adler* 2012: 73–115). Конфликт между двумя бывшими заключенными ГУЛАГа позволяет увидеть разные стратегии в попытке укрепить свои позиции в стенах Академии. В то время как Клибанов пытался отстоять свой научный подход, Зыбковец настаивал на неукоснительном соблюдении партийной дисциплины и подчеркивал, что экспедиция – “это глубоко партийная работа” (ЦГА Москвы: 15).

Эту схватку Клибанов в первом круге проиграл. В начале 1961 г. он, не будучи членом партии, отправил в партбюро полное отчаяния письмо, где обрисовывал проблемы, с которыми ему пришлось столкнуться, выполняя директивы партии. Он убедительно доказывал, что исследование сектантов не только внесло важный вклад в науку, но и, прежде всего, смогло послужить интересам партии. В письме Клибанов утверждал, что проведенное под его руководством исследование помогло реализовать поставленную партией задачу укрепить “союз науки и жизни”. Ученый указывал на “энергичную поддержку” экспедиционной работы со стороны региональных партийных организаций, не упоминая трудностей, с которыми ученые столкнулись в Липецке и Воронеже. Завершая письмо, Клибанов отметил, что, несмотря на очевидную значимость проведенного исследования, он не встретил поддержки со стороны коллег. Ученый объявил о том, что прекращает исследование “современного сектантства” и возвращается к своей предыдущей работе, посвященной религиозным движениям в Средние века и Раннее Новое время (АРАН 4)¹³. Таким образом, Клибанов в ближайшие годы концентрировался в идеологическом плане на менее деликатных темах. Складывается впечатление, что он опережал конец хрущевской оттепели, давшей возможность для проведения таких исследований, которые ни до нее, ни после были невозможны, тем более, если иметь в виду, что Клибанов не был членом партии и к тому же являлся возвращенцем из ГУЛАга.

* * *

Работа Клибанова о сектантстве стала отправной точкой для дальнейших исследований. В 1964 г., по завершении антирелигиозной кампании, в Академии общественных наук при ЦК КПСС был создан Институт научного атеизма (*Смолкин* 2009; *Смирнов* 2007). Его сотрудники занимались социологическими исследованиями религиозных убеждений и атеистических взглядов на всей территории СССР. Клибанов принял

участие в этом проекте, посвятив себя изучению современных религиозных верований. Во второй половине 1960-х годов он опубликовал монографию и стал составителем сборников по данной тематике (Клибанов 1967, 1973, 1974а).

Таким образом, исследование, проведенное Клибановым и его группой в Центрально-Черноземном регионе, имело продолжительное влияние на советскую этнографию. Опубликованные по материалам экспедиции статьи часто использовались и цитировались в последующих научных трудах, даже после распада Советского Союза. Однако в большинстве исследований, посвященных “сектантам” и “несогласным” с церковью православным, практически не рассматривались контекст исследований Клибанова и условия, в которых осуществлялась полевая работа его группы (Fletcher 1971; Шкаровский 1999: 185–201; Беглов 2008; более подробную критику автора см. в: Huhn 2014: 148–154).

На мой взгляд, работа Клибанова и его коллег весьма примечательна с точки зрения истории науки. Это столкновение советских ученых с “религиозным андеграундом” вызвало к жизни ряд новых подходов, а также продемонстрировало неоднозначность эпохи оттепели.

Во-первых, в данных исследованиях не проблематизировалась связь научной деятельности с политической кампанией и обусловленность научной работы политической ситуацией в стране. По определению Клибанова, они воспринимали себя как “атеистов и работников атеистического фронта”. Антирелигиозная кампания не столько нарушила их научные цели, сколько предоставила им новые возможности, позволив получить научное признание и материальные ресурсы. И все же ученым не удалось избежать существенной методологической проблемы. Занимая позитивистскую (и, добавим, оптимистическую) позицию, в ходе полевой работы Клибанов и его соратники поняли, что не смогут получить надежной информации от своих респондентов, если представятся атеистами-агитаторами. Для разрешения этих методологических сложностей некоторые исследователи из группы Клибанова использовали формы скрытого включенного наблюдения, утаивая свою профессиональную заинтересованность. В этом смысле “верующие” в Советском Союзе были в этнологическом смысле “другими”. И не случайно, что именно в работе с ними группа Клибанова в определенном смысле заново открыла “королевский метод” этнологии — включенное наблюдение.

Во-вторых, факт того, что молодые ученые-комсомолки смогли создать впечатление того, что они верующие, продемонстрировал тот переход границы, который вызвал критику, нарицание и споры. Ожесточенные дебаты в институте о правильности метода скрытого включенного наблюдения не привели к выработке однозначного решения. В то время как одни ученые заявляли, что контакт с “сектантами” недостоин члена комсомола и партии, другие утверждали, что такой способ проводить исследование получил одобрение руководства партии и что сбор полевых материалов вносит серьезный вклад в науку. Дополнительным аргументом в пользу включенного наблюдения было и то, что сами верующие тоже являлись советскими гражданами и, следовательно, партийная этика и “партийное достоинство” исследователей не были нарушены. Таким образом здесь отражается существенный зазор между требованиями партийной идеологии и дисциплины, с одной стороны, и требованиями научного подхода и научной этики — с другой. Однако характерно, что в этом периоде оттепели оба направления оказались в равной мере важными факторами и четкого согласия о первенстве ни партийности, ни научности не было достигнуто (Pollock 2009).

В-третьих, спор за более правильный метод, развернувшийся между Клибановым и Зыбковцом, демонстрирует и противоположные стратегии реинтеграции бывших заключенных ГУЛАГа в научное сообщество. В то время как Клибанов сделал акцент на развитии новых методов научного исследования, Зыбковец встал на защиту партийной дисциплины. При этом сама по себе исследовательская экспедиция Клибанова уже стала своего рода площадкой для обсуждения гулаговского опыта. Так, Комиссарова

вспоминала, что во время экспедиционного лета они осторожно расспрашивали Клибанова о его лагерном прошлом (Комиссарова 2008: 81–83).

Исследовательские экспедиции 1959 и 1960 гг., изучавшие “современное сектантство”, могут быть интерпретированы как явление двойной интеграции. Одним субъектом интеграции стал Клибанов, бывший “враг народа”, ныне уполномоченный государством на исследование крайне неоднозначной и щекотливой темы “сектантства” и сектантов. Другим субъектом интеграции стали сами сектанты. Отныне они рассматривались не как мишень “оперативных органов” госбезопасности, а как советские граждане, которых предстояло рассматривать как часть советского общества.

В истории экспедиции под руководством Клибанова отражена история трансформации советского строя в хрущевскую эпоху. Отсутствие научного консенсуса по поводу методов и целей этого исследовательского проекта явилось следствием внутренней противоречивости последнего и перемен в обществе. В то же время экспедиции Клибанова явились новой стартовой площадкой для советских этнографов, которые смогли использовать возможности антирелигиозной кампании в своих исследовательских целях.

Пер. с нем. С. Сиротининой, Т. Манькиной

Примечания

¹ В коллективной монографии “Село Вирятино” содержатся лишь непрямые указания на дальнейшее существование религиозных “пережитков”, а также глава об успешной антирелигиозной пропаганде.

² Некоторые исследования, запланированные осенью 1958 г., не осуществились. Так, для Клибанова была запланирована работа над коллективной монографией “История русского свободомыслия и атеизма (XIX–XX вв.)”. Ср. протокол № 24 заседания Сектора истории религии и атеизма от 24.9.1958 (НА ИРИ РАН. Ф. 1577. Оп. 1. Д. 1499. Л. 68 и далее).

³ Смирнов решительно поднял перед руководством вопрос о финансовой стороне дела: “...это будет связано с поездками, будет связано с некоторыми расходами, порядка 15 тысяч”.

⁴ Так тамбовское областное партийное руководство могло отчитаться крупной конференцией по вопросам атеизма, прошедшей в Сосновском районе. В конференции принимали участие как историки из Академии наук СССР, так и сотрудники журнала “Наука и религия” (см.: Протокол № 13 Областного комитета КПСС, Отдел пропаганды и агитации, 19.7.1960: “О положительном опыте научно-атеистической пропаганды в Сосновском районе”. ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 11518. Л. 54–60 [здесь: Л. 60], а также: Методическое совещание пропагандистов // Путь Октября. Орган Сосновского района райкома КПСС и райсовета депутатов трудящихся Тамбовской области. 1960. № 120. С. 2).

⁵ Ср. соответствующий отрывок из действующей тогда Конституции 1936 г.: “Статья 124. <...> Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.”

⁶ Экспедиционная группа тайно записывала песни одного “хлыста”, спрятав микрофон в цветочном горшке (НА ИРИ РАН 7: 121).

⁷ Другой студенткой была Ирина Александровна Малахова.

⁸ О том же свидетельствуют и воспоминания Натальи Львовны Жуковской. Летом 1961 г. она, будучи молодой студенткой, принимала участие в третьей экспедиции “исследований сектантства” в Рязанской области, которая для нее была первой. Согласно ее словам, обычной практикой было то, что они представлялись исследователями из московской Академии наук (Интервью автора с Н.Л. Жуковской 19.4.2016 г. в Москве).

⁹ Оригинал дневника, написанный от руки, находится в НА ИРИ РАН (Ф. 1. Разд. XII Ц. Оп. 1. Д. 6). То, что у партийного чиновника была теща или другая пожилая родственница, которая якобы была “отсталой” и все еще находилась под влиянием религии, и на это закрывали глаза, — это общее место советского религиозного нарратива.

¹⁰ С.С. Алымов пишет здесь об исследованиях в Центральной Азии в середине 1920-х годов, получивших при их публикации примечательное название: *П.И. Кушнер (Кнышев)*. Горная Киргизия (социологическая разведка). М., 1929.

¹¹ Клибанов шутиливо указывал на недавнее происшествие с американским летчиком Фрэнсисом Гэри Пауэрсом, выполнявшим разведывательные задания для ЦРУ. В мае 1960 г. он был сбит под Свердловском советской ракетой и в августе 1960 г. публично обвинен в шпионаже.

¹² Владимир Филатович Зыбковец (1908–1973) был арестован органами НКВД в августе 1937 г., в июне 1938 г. “за контрреволюционную деятельность” приговорен к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на 8 лет, в 1945 г. был освобожден. Как и Клибанов, Зыбковец разделил участь других “повторников”, когда в 1948 г. был вновь арестован, в мае 1949 г. решением Особого совещания сослан на поселение в Красноярский край. Лишь в мае 1955 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР постановила отменить “дела” 1938 и 1949 гг. и реабилитировать В.Ф. Зыбковца. Комитет партийного контроля восстановил его в рядах Коммунистической партии (Филимонов 2003).

¹³ Письмо с подписью Клибанова находится в его личном фонде в архиве Академии наук. Было ли письмо когда-либо отправлено, установить не удалось: ответ на него со стороны партбюро в документации отсутствует.

Список сокращений

АРАН – Архив РАН (г. Москва)

НА ИРИ РАН – Научный архив Института российской истории РАН (г. Москва)

РГБ НИОР – Российская государственная библиотека (научно-исследовательский отдел рукописей) (г. Москва)

ЦДНИТО – Центр документации новейшей истории Тамбовской области (г. Тамбов)

ЦГА Москвы – Центральный государственный архив города Москвы (г. Москва)

Источники и материалы

АРАН 1 – Стенограмма расширенного заседания ученого совета Института истории АН СССР совместно с бюро отделения 5.1.1960. Доклад директора Института истории Хвостова В.М. // АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 446. Л. 5–96.

АРАН 2 – Описание соответствующих архивных документов в Отделении истории Академии наук // АРАН. Ф. 457. <http://isaran.ru/?q=ru/fund&guid=CE2B2714-2B9E-9AC7-8A77-CF0ED3001FE1&ida=1> (дата обращения: 20.2.2015).

АРАН 3 – Постановление Президиума АН СССР от 17 апреля 1959 г. “О научной работе в области атеизма” // АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 160. Л. 210–221.

АРАН 4 – Письмо Клибанова в Партбюро Института истории АН СССР, 11.1.1961 // АРАН. Ф. 1908. Оп. 1. Д. 244. Л. 9–14.

Документ № 39 – Документ № 39 “Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”, 12.9.1958. http://www.rusoir.ru/index_print.php?url=/03print/02/239 (дата обращения 21.2.2015).

Документ № 118 – Документ № 118 [Из Конституции СССР, принятой 5.12.1936] // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. М., 1995. http://krotov.info/acts/20/1930/shtric_10.htm

НА ИРИ РАН 1 – Протокол № 1 Заседания дирекции Института истории АН СССР, 9.1.1959. Стенограмма заседания дирекции института истории по вопросу о плане работы на 1959 г. и о разработке семилетнего плана, 9.1.1959 // НА ИРИ РАН. Ф. 1577. Оп. 1. Д. 1519. Л. 1–72 [старая нумерация].

НА ИРИ РАН 2 – „О враждебной деятельности церковников на территории Дегтянского, Сосновского, Первомайского, Глазковского, Ламского, Мичуринского, Лысогородского, Никифоровского районов Тамбовской области“, без указания на составителя // НА ИРИ РАН. Ф. 1, разд. XII Ц. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–14.

НА ИРИ РАН 3 – Протокол № 6 заседания сектора истории религии и атеизма от 19.2.1960 // НА ИРИ РАН. Ф. 1577. Оп. 1. Д. 1710. Л. 19–23.

НА ИРИ РАН 4 – Гапоненко, заместитель директора Института истории и Смирнов, руководитель Сектора, январь 1959 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Разд. XII Ц. Оп. 1. Д. 91. Л. 2.

- НА ИРИ РАН 5 – Клибанов: План работы научной группы Института истории АН СССР по изучению совр. сектантства в Тамбовской области, без даты [до 1.6.1959] // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Разд. XII Ц. Оп. 1. Д. 91. Л. 6–7.
- НА ИРИ РАН 6 – Экспедиционный дневник Лягушиной Э.Я. Липецк, Усмань, Елец, Тербуны, Долгоруково, 7.7–2.8.1960 // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Разд. XII Ц. Оп. 2. Д. 23.
- НА ИРИ РАН 7 – Стенограмма заседания религии и атеизма, 13 ноября 1959 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1577. Оп. 1. Д. 1602. Л. 91–106.
- НА ИРИ РАН 8 – Письмо Ирины Малаховы Клавдии Суриковой, Институт истории АН СССР, Сектор истории религии и атеизма, 14.7.1959 // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Разд. XII Ц. Оп. 1. Д. 96. Л. 7–9.
- НА ИРИ РАН 9 – Протокол № 29 заседания сектора истории религии и атеизма от 19/20.12.1960 // НА ИРИ РАН. Ф. 1577. Оп. 1. Д. 171. Л. 93–101.
- НА ИРИ РАН 10 – Выписка из приказа № 262 от 28.12.1959 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. по личному составу. [Личное дело. Клибанов Александр Ильич, без нумерации страниц]
- О контрольных цифрах развития 1959 – О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965-е годы. Доклад Н.С. Хрущева 27 января 1959 г. // Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959. С. 3–111.
- Оперативный приказ № 00447 – Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР Н.И. Ежова № 00447 “Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов”. 30 июля 1937 г. // “Через трупы врага на благо народа”. “Кулацкая операция” в Украинской ССР 1937–1941 гг. Т. 1: 1937 г., М., 2010. С. 99–115.
- РГБ НИОР – Дневник экспедиции в Тамбовскую область [дневник Клибанова, 6–17.7.1959]. Машинопись. РГБ НИОР. Ф. 648. К. 11. Д. 2. Л. 1–21 [внутренняя нумерация отчета].
- Усилить пропаганду 1958 – “Усилить научно-атеистическую пропаганду” // Коммунист: теоретический и политический журнал Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза. 1958. № XXXV. 17 дек. С. 91–98.
- ЦДНИТО – Протокол заседания Бюро Тамбовского обкома КПСС № 34 от 9.1.1959: “О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде в Тамбовской области” и “Мероприятия по усилению научно-атеистической пропаганды среди населения области” // ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 11237. Л. 3, 32–38, 43.
- ЦГА Москвы – Стенограмма закрытого отчетно-выборного собрания партийной организации Института истории АН СССР, 5.1.1961 // ЦГА Москвы. Ф. Р-211. Оп. 2. Л. 1–148.

Научная литература

- Альмов С.С. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М.: ИЭА РАН, 2006.
- Альмов С.С. Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути “от старого к новому” и обратно // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 109–129.
- Альмов С.С. Г.П. Снесарев и полевое изучение “религиозно-бытовых пережитков” // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 69–88.
- Арзютов Д.В., Кан С.А. Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 45–68.
- Альмов С.С., Арзютов Д.В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссия в советских науках в 1920–1930-е годы // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / Под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Альмова, Д. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 11–80.
- Беглов А. В поисках “безгрешных катакомб”. Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, “Арефа”, 2008.
- Кашеваров А.Н. Пропагандистский аспект антицерковной кампании 1958–1964 гг. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. № 14 (4). С. 86–93.
- Клибанов А.И. Современное сектантство в Тамбовской области (по материалам экспедиции Института истории Академии наук СССР в 1959.) // Вопросы истории религии и атеизма. 1960. № VII. С. 59–100.
- Клибанов А.И. (ред.) Конкретные исследования современных религиозных верований. Методика, организация, результаты. М.: Мысль, 1967.

- Клибанов А.И.* Религиозное сектантство и современность. Социологические и исторические очерки. М.: Наука, 1969.
- Клибанов А.И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1973.
- Клибанов А.И.* (ред.) Критика религиозного сектантства. Опыт изучения религиозного сектантства в 20-х — начале 30-х годов. М.: Мысль, 1974а.
- Клибанов А.И.* Из мира религиозного сектантства. Встречи, беседы, наблюдения. М.: Издательство политической литературы, 1974б.
- Комиссарова Э.Я.* Цветная рубаха судьбы. Магнитогорск, 2008.
- Кушнер (Кнышев) П.И.* Горная Киргизия (социологическая разведка). М.: Изд-во Коммунистического университета трудящихся Востока им. В.И. Сталина, 1929.
- Кушнер П.И.* (ред.) Село Вириатино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Макарьев С.А.* Полевая этнография. Краткое руководство и программы для сбора этнографических материалов в СССР. Л.: Этнографическая экскурсионная комиссия этноотделения геофака ЛГУ, 1928.
- Маторин Н.* (ред.) Труд и быт в колхозах. Л.: АН СССР, 1931.
- Путинцев Ф.М.* Политическая роль и тактика сект. М.: Государственное антирелигиозное издательство, 1935.
- Пушкарева Л.А., Снесарев Г.П., Шмелева М.Н.* Религиозно-бытовые пережитки и пути их преодоления // Коммунист: Теоретический и политический журнал ЦК КПСС. 1960. № 8. С. 86–95.
- Редькина О.Ю.* Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917-м — 1930-е годы. На материалах Европейской части РСФСР. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2004.
- Сафронов Р.О.* Изучение сект в советском религиоведении: терминология и подходы // Вестник ПСТГУ I: Богословие, философия. 2013. № 5 (49). С. 96–112.
- Смирнов М.* Современная российская социология религии: откуда и зачем? Ч. 2 // Религиоведение. 2007. № 1. С. 154–164; № 2. С. 145–154.
- Смолкин В.* “Свято место пусто не бывает”. Атеистическое воспитание в Советском Союзе, 1964–1968 гг. // Неприкосновенный запас. 2009. № 65 (3). С. 36–52.
- Снесарев Г.П.* Некоторые вопросы методики полевых этнографических исследований в области религии и атеизма // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 89–94.
- Тан-Богораз В.Г.* (ред.) Революция в деревне. Очерки. М.; Л.: Красная Новь, 1924–1925.
- Тан [Богораз] В.Г.* (ред.) Обновленная деревня. Л.: Госиздат, 1925.
- Тарасова И.В., Ченская Г.А.* Из истории музейного дела в России. Музей церковно-археологический и антирелигиозный // Труды Государственного музея истории религии. 2002. С. 17–30.
- Тумаркин Д.Д.* (ред.) Репрессированные этнографы. М.: Наука, 2002–2003.
- Филлимонов А.В.* Музейно-краеведческая деятельность В.Ф. Зыбковца в Пскове (1935–1937 гг.) // Псков. 2003. № 19. С. 152–162.
- Хлевнюк О.В.* Региональная власть в СССР в 1953 — конце 1950-х годов. Устойчивость и конфликты // Отечественная история. 2007. Вып. 3. С. 31–49.
- Хлевнюк О.В.* (сост.), Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты, 1953–1964 гг., М. 2009.
- Чеботарев С.А.* Тамбовская епархия 40–60 гг. XX века. Тамбов: Юлис, 2004.
- Шкаровский М.В.* Иосифлянство. Течение в русской православной церкви. СПб.: НИЦ “Мемориал”, 1999.
- Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005.
- Adler N.* Keeping Faith with the Party: Communist Believers Return from the Gulag. Bloomington: Indiana University Press, 2012.
- Baran E.* Dissent on the Margins: How Soviet Jehovah’s Witnesses Defied Communism and Lived to Preach about It. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Dobson M.* Child Sacrifice in the Soviet Press: Sensationalism and the “Sectarian” in the Post-Stalin Era // Russian Review. 2014. Vol. 73 (2). P. 237–259.
- Fitzpatrick S.* Social Parasites: How Tramps, Idle Youth, and Busy Entrepreneurs Impeded the Soviet March to Communism // Cahiers du monde russe. 2006. Vol. 47 (1–2). P. 377–408.

- Fletcher W.C.* The Russian Orthodox Church Underground, 1917–1970. L.: Oxford University Press, 1971.
- Haber M.* The Soviet Ethnographer as a Social Engineer: Socialist Realism and the Study of Rural Life, 1945–1958 // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2014. Vol. 41. P. 194–219.
- Herzberg J.* Gegenarchive. Bäuerliche Autobiographik zwischen Zarenreich und Sowjetunion. Bielefeld: Transcript, 2013.
- Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- Huhn U.* Glaube und Eigensinn. Volksfrömmigkeit zwischen orthodoxer Kirche und sowjetischem Staat 1941 bis 1960. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014.
- LaPierre B.* Hooligans in Khrushchev's Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance during the Thaw. Madison: University of Wisconsin Press, 2012.
- Luehrmann S.* Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Pollock E.* From Partiinost' to Nauchnost' and Not Quite Back Again: Revisiting the Lessons of the Lysenko Affair // *Slavic Review*. 2009. Vol. 68 (1). P. 95–115.
- Slezkine Y.* The Fall of Soviet Ethnography, 1928–1938 // *Current Anthropology*. 1991. Vol. 32. P. 476–484.
- Stone A.B.* “Overcoming Peasant's Backwardness”: The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union // *Russian Review*. 2008. Vol. 67 (2). P. 296–320.

Research Article

Huhn, U. The Renaissance of Ethnography from the Spirit of Atheism? Research on “Contemporary Sectarianism” in the Context of N.S. Khrushchev's Anti-Religious Campaigns [Rozhdeniie etnografii iz dukha ateizma? Issledovaniia “sovremennogo sektantstva” v kontekste antireligioznykh kampanii N.S. Khrushcheva]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 2, pp. 100–121. ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Nauka Publishers

Ulrike Huhn | <http://orcid.org/0000-0003-1752-4073> | ulrike.huhn@uni-bremen.de | Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen (Klagenfurter Str. 8, 28359 Bremen, Germany)

Keywords:

history of ethnography, methods, Soviet ethnography, USSR, study of religion, sectarianism, atheism, anti-religious campaigns

Abstract:

In the summer of 1959, scholars of the Soviet Academy of Sciences began to conduct field research in Russia's Central Black Soil Area. They dedicated themselves to an issue that was for various reasons quite sensitive: “religious sectarianism”. In the context of the anti-religious campaign launched by Khrushchev, this research was on the one hand intended to scientifically underscore the state propaganda. On the other, the research team headed by the ethnographer and specialist on religion, Aleksandr Klibanov, had to deal with the problem of how – as atheists on a state mission – to attain reliable information from their interview partners. As members of “sects”, the latter were regarded as potentially “subversive” and thus subject to persecution. In the field, the researchers thus developed forms of participant observation whose results were greatly appreciated by the state, but methodologically criticized as extremely questionable and unworthy of party and Komsomol members. In this article, I explore the interplay between the various state, party, and academic institutions as well as the interaction between Moscow and the regions in which the research was conducted. This allows me to identify important elements in the political framework of academic work and methodological self-reflection within Soviet ethnography during the Thaw period of the country's history.

References

- Adler, N. 2012. *Keeping Faith with the Party: Communist Believers Return from the Gulag*. Bloomington: Indiana University Press.
- Alymov, S.S. 2006. *P.I. Kushner i razvitie sovetskoj etnografii v 1920–1950-e gody* [P.I. Kushner and the Development of Soviet Ethnography in the 1920–50s]. Moscow: IEA RAN.
- Alymov, S.S. 2010. Nesluchainoe selo: sovetskie etnografy i kolkhozniki na puti “ot starogo k novomu” i obratno [A Non-Random Village: Soviet Ethnographers and Collective Farmers on the Way “From the Old to the New” and Back]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 101: 109–129.
- Alymov, S.S. 2013. G.P. Snesev i polevoe izuchenie “religiozno-bytovykh perezhitkov” [G.P. Snesev and the Field Study of “Domestic-Religious Relics”]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 69–88.
- Alymov, S.S., and D.V. Arziutov. 2014. Marksistskaia etnografiia za sem’ dnei: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada i diskussii v sovetskikh naukakh v 1920–1930-e gody. In *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 apreliia 1929 g.)* [Marxist Ethnography in Seven Days: The Conference of Ethnographers from Moscow and Leningrad and the Discussion in Soviet Sciences 1920–1930], edited by D.V. Arziutov, S.S. Alymov, and J. Anderson, 11–80. St. Petersburg: MAE RAN.
- Arziutov, D.V., and S.A. Kan. 2013. Kontseptsiiia polia i polevoi raboty v rannei sovetskoj etnografii [The Concept of the Field and Field Study in Early Soviet Ethnography]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 45–68.
- Baran, E. 2014. *Dissent on the Margins: How Soviet Jehovah’s Witnesses Defied Communism and Lived to Preach about It*. Oxford: Oxford University Press.
- Beglov, A. 2008. *V poiskakh “bezgreshnykh katakomb”*. *Tserkovnoe podpol’ie v SSSR* [In Search of the “Sinless Catacombs”: The Church Underground in the USSR]. Moscow: Arefa.
- Chebotaev, S.A. 2004. *Tambovskaia eparkhiia 40–60 gg. XX veka* [The Eparchy of Tambov 1940–1960s]. Tambov: Yulis.
- Dobson, M. 2014. Child Sacrifice in the Soviet Press: Sensationalism and the “Sectarian” in the Post-Stalin Era. *Russian Review* 73 (2): 237–259.
- Filimonov, A.V. 2003. Muzeino-kraevedcheskaia deiatel’nost’ V.F. Zybkovtsa v Pskove (1935–1937 gg.) [The Activities of V.F. Zybkovets in Pskov (1935–1937)]. *Pskov* 19: 152–162.
- Fitzpatrick, S. 2006. Social Parasites: How Tramps, Idle Youth, and Busy Entrepreneurs Impeded the Soviet March to Communism. *Cahiers du monde russe* 47 (1–2): 377–408.
- Fletcher, W.C. 1971. *The Russian Orthodox Church Underground, 1917–1970*. London: Oxford University Press.
- Haber, M. 2014. The Soviet Ethnographer as a Social Engineer: Socialist Realism and the Study of Rural Life, 1945–1958. *Soviet and Post-Soviet Review* 41: 194–219.
- Herzberg, J. 2013. *Gegenarchive. Bäuerliche Autobiographik zwischen Zarenreich und Sowjetunion* [Counterarchives: Peasant Autobiography between Tsarist Empire and the Soviet Union]. Bielefeld: Transcript.
- Hirsch, F. 2005. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.
- Huhn, U. 2014. *Glaube und Eigensinn. Volksfrömmigkeit zwischen orthodoxer Kirche und sowjetischem Staat 1941 bis 1960* [Belief and Obstacity: Popular Religion between Orthodox Church and the Soviet State, 1941–1960]. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Kashevarov, A.N. 2013. Propagandistskii aspekt antitserkovnoi kampanii 1958–1964 gg. [The Propagandistic Aspect of the Antireligious Campaign of 1958–1964]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* 14 (4): 86–93.
- Khlevniuk, O.V. 2007. Regional’naia vlast’ v SSSR v 1953 – kontse 1950-kh godov. Ustoichivost’ i konflikty [Regional Authority in the USSR in 1953–1960: Stability and Conflicts]. *Otechestvennaia istoriia* 3: 31–49.
- Khlevniuk, O.V., ed. 2009. *Regional’naia politika N.S. Khrushcheva. TsK KPSS i mestnye partiinye komitety, 1953–1964 gg.* [N.S. Khrushchev’s Regional Politics: TsK KPSS and the Local Party Committees, 1953–1964]. Moscow.
- Klibanov, A.I. 1960. Sovremennoe sektantstvo v Tambovskoi oblasti (po materialam ekspeditsii Instituta istorii Akademii nauk SSSR v 1959) [Contemporary Sectarians in the Tambov Region

- (Based on the Expedition Materials of the Historical Institute of the Academy of Sciences of the USSR in 1959)]. *Voprosy istorii religii i ateizma* VIII: 59–100.
- Klibanov, A.I., ed. 1967. *Konkretnye issledovaniia sovremennykh religioznykh verovanii. Metodika, organizatsiia, rezul'taty* [Case Studies on Contemporary Religious Beliefs: Method, Organization, Results]. Moscow: Mysl'.
- Klibanov, A.I. 1969. *Religioznoe sektantstvo i sovremennost'*. *Sotsiologicheskie i istoricheskie ocherki* [Religious Sectarians and the Present: Sociological and Historical Outlines]. Moscow: Nauka.
- Klibanov, A.I. 1973. *Religioznoe sektantstvo v proshlom i nastoiashchem* [Religious Sectarians Then and Now]. Moscow: Nauka.
- Klibanov, A.I. 1974. *Iz mira religioznogo sektantstva. Vstrechi, besedy, nabliudeniia* [From the World of Religious Sectarians: Encounters, Conversations, Observations]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury.
- Klibanov, A.I., ed. 1974. *Kritika religioznogo sektantstva. Opyt izucheniia religioznogo sektantstva v 20-kh – nachale 30-kh godov* [Critique of Religious Sectarianism: Research Experience on Religious Sects in the 1920 – Early 1930s]. Moscow: Mysl'.
- Komissarova, E. Ya. 2008. *Tsvetnaia rubakha sud'by* [The Coloured Shirt of Destiny]. Magnitogorsk.
- Kushner (Knyshev), P.I. 1929. *Gornaia Kirgiziia (sotsiologicheskaia razvedka)* [Highland Kirgiziia (Sociological Investigation)]. Moscow: Izdatel'stvo Kommunisticheskogo universiteta trudiashchikhsia Vostoka im. V.I. Stalina.
- Kushner, P.I., ed. 1958. *Selo Viriatino v proshlom i nastoiashchem. Opyt etnograficheskogo izucheniia russkoi kolkhoznoi derevni* [The Village of Viriatino: An Ethnographic Study of a Russian Village from Before the Revolution to the Present]. Moscow: AN SSSR.
- LaPierre, B. 2012. *Hooligans in Khrushchev's Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance during the Thaw*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Luehrmann, S. 2015. *Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge*. Oxford: Oxford University Press.
- Makariev, S.A. 1928. *Polevaia etnografiia. Kratkoe rukovodstvo i programmy dlia sbora etnograficheskikh materialov v SSSR* [Field Ethnography: Short Handbook and Programmes for a Collection of Ethnographical Materials in the USSR]. Leningrad: Etnograficheskaiia ekskursionnaia komissiia etnootdeleniia geofaka LGU.
- Matorin, N., ed. 1931. *Trud i byt v kolkhozakh* [Work and Life in the Kolkhoz]. Leningrad: AN SSSR.
- Pollock, E. 2009. From Partiinost' to Nauchnost' and Not Quite Back Again: Revisiting the Lessons of the Lysenko Affair. *Slavic Review* 68 (1): 95–115.
- Pushkareva, L.A., G.P. Snesev, and M.N. Shmeleva. 1960. Religiozno-bytovye perezhitki i puti ikh preodoleniia [Domestic-Religious Relics and the Way of Their Overcoming]. *Kommunist* 8: 86–95.
- Putintsev, F.M. 1935. *Politicheskaiia rol' i taktika sekt* [The Political Role and Tactic of Sects]. Moscow: Gosudarstvennoe antireligioznoe izdatel'stvo
- Redkina, O.Y. 2004. *Sel'skokhoziaistvennyie religioznye trudovye kollektivy v 1917–m – 1930-e gody. Na materialakh Evropeiskoi chasti RSFRS* [Agricultural Religious Labour Collectives 1917–1930: Based on Materials of the European Part of the RSFRS]. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Safronov, R.O. 2013. Izuchenie sekt v sovetskom religiovedenii: terminologiia i podkhody [Research on Sectarians in Soviet Religious Studies: Terminology and Approaches]. *Vestnik PSTGU I: Bogoslovie, filosofiiia* 5 (49): 96–112.
- Shkarovskii, M.V. 2005. *Russkaia pravoslavnaia tserkov' pri Staline i Khrushcheve. Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v SSSR v 1939–1964 godakh* [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev: State-Church Relations in the USSR, 1939–1964]. Moscow: Izdatel'stvo Krutickogo podvor'ia.
- Shkarovskii, M.V. 1999. *Iosiflianstvo. Techenie v russkoi pravoslavnoi tserkvi* [Iosiflianstvo: A Movement in the Russian Orthodox Church]. St. Petersburg: NIC “Memorial”.
- Slezkine, Y. 1991. The Fall of Soviet Ethnography, 1928–1938. *Current Anthropology* 32: 476–484.
- Smirnov, M. 2007. Sovremennaia rossiiskaia sotsiologiia religii: otкуда i zachem? Pt. 2 [Contemporary Russian Sociology of Religion: Where Does it Come from and What for?]. *Religiovedenie* 1: 154–164; 2: 145–154.

- Smolkin, V. 2009. "Sviato mesto pusto ne byvaet". Ateisticheskoe vospitanie v Sovetskom Soiuze, 1964–1968 gg. ["A Holy Place is Never Empty": Atheist Education in the Soviet Union, 1964–1968]. *Neprikosnovennyi zapas* 65 (3): 36–52.
- Snesarev, G.P. 2013. Nekotorye voprosy metodiki polevykh etnograficheskikh issledovaniy v oblasti religii i ateizma [Some Questions on the Method of Ethnographical Field Studies in the Areas of Religion and Atheism]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 89–94.
- Stone, A.B. 2008. "Overcoming Peasant's Backwardness": The Krushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union. *Russian Review* 67 (2): 296–320.
- Tan [Bogoraz], V.G., ed. 1925. *Obnovlennaiia derevnia* [The Renewal of the Village]. Leningrad: Gosizdat.
- Tan-Bogoraz, V.G., ed. 1924–25. *Revoliutsiia v derevne. Oчерki* [Revolution in the Village: Outlines]. Moscow: Krasnaia Nov'.
- Tarasova, I.V., and G.A. Chenskaia. 2002. Iz istorii muzeinogo dela v Rossii. Muzei tserkovno-arkheologicheskii i antireligiozni [About Museum Activity in Russia: Archeological Church Museums and Anti-Religious Museums]. *Trudy Gosudarstvennogo muzeia istorii religii* 2002: 17–30.
- Tumarkin, D.D., ed. 2002–03. *Repressirovannye etnografy* [Repressed Ethnographers]. Moscow: Nauka.